

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: Предлагаемый текст — продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г. Й. Фоссия «Искусство историки», начатого в № 23–26 Vox. В гл. 9 демонстрируются многочисленные примеры ошибок в изложении истории из-за некритического отношения историков к отбираемому материалу.

Ключевые слова: предпосылка, ясность, ошибка, изложение, историка, событие, греки, латиняне.

Глава девятая

Все искусства исходят из определённых предпосылок. Наиболее кратко это изложено у Туллия. Истина истории воспроизводит состояния человеческих душ, живших в прошлом. Её надёжность оспаривается, когда приходят новые. Похвала Полибия Фукидиду действительно вносит здесь полную ясность. Шутки греков построены так, что иные кажутся бессмысленными, повергая в изумление, выливаются в обычное повествование, следуя ходу событий и сразу отстраняясь от него, [как бы] избегая [его]. Разумно сразу обратиться к обрядам, праздникам, к регулярному поклонению чему бы то ни было. Так случается у Теопомпа, Геродота, Тимея, Мемнона, Диона, Зосимы¹, а также, наряду с другими латинскими авторами, у Веллия, которому не всегда можно верить на слово. Жизнь Карла Великого в изложении Турпина² в значительной мере искажена и изобилует ошибками.

---

¹ Зосима — византийский историк и администратор второй половины V в.

² Турнеп — французский архивист конца VIII в.

Неосновательность Павла Йовия³. Нередко случается, что историка становится поучением и, несмотря на трудности, осмеливается идти по пути, в который уверовала. Возвеличивание, красноречие и поэтика вовсе не являются собственно историкой. Молва об Александре Македонском. Почему историке простительно уходить от прямого поиска истины? Потому что в первую очередь её интересуют совокупность событий и их предварительные итоги. Описания борьбы между древними городами появлялись и ранее, но в них нельзя было обнаружить причин происходящего; многим древним сюжетам зачастую слишком доверяли, причисляя к историческим. Воспик говорит, что, помимо историки, ничего нельзя помыслить, ибо в этом случае образуется [как бы] белая слепая линия, которая бессмысленна для изучения. Ошибка Валерия Антиата относительно Пифагора отмечена Ливием. В целом тогда [т. е. при отсутствии историки] всё погружается в сомнение, в зыбкое море без берегов, как его описывает Алкивиад Эсполин; то же самое закономерно утверждается Залевским Локрисом⁴. Великолепный Овидиев «Собачий лай».

Приступим же к основным частям исходных установлений, предпосылаемых нашему искусству: сжато определению его основных категорий. О собственно описании истории хорошо сказано у Исидора Севильского⁵ (кн. 6, гл. 12): «Происхождение исторической истины во многом зависит от способа описания, и не только от его письменного воплощения, а от многочисленных воспоминаний (о том, что кто-то нечто рассказывал). Текст при этом разрастается подобно тому, как мальва вытягивается до размеров пальмы». О написании истории бегло упоминается у Людовика Вивеса в «О разумности высказываемого» (кн. 3, с. 139 и далее). Законы письменной истории сформулированы у учёнейшего и достойнейшего Бальда де Убальдиса⁶ в его 49-м положении, которые ему удалось прояснить. Он завершил то, что начал Марк Туллий во 2-й книге «Об ораторском искусстве», где можно обнаружить следующее: «То, что необходимо назвать первым законом истории, — не умение ли не слышать фальшивых наветов, не внимать бесполезным истинам? Не делать описание привлекательным, не прекословить? Вот как будто основные исходные моменты. Всё остальное строится

---

³ Йовий Павел (1483–1552) — итальянский епископ, историк, врачеватель римских пап.

⁴ Залевкис Локрис — знаменитый законодатель Эпизефирских Локров в Нижней Италии, считается автором древнейших писаных законов у греков (VII в. до н. э.).

⁵ Исидор Севильский (570–638) — испанский историк и философ.

⁶ Бальд де Убальдис (1327–1400) — итальянский средневековый юрист, последователь постглоссаторов (итальянская правовая школа, пришедшая с середины XIV века на смену глоссаторам).

в зависимости от описываемого целого и подбора слов. Надлежащий порядок отстаивается во времени и описании местоположения происходящего; нужно двигаться согласно основному направлению хода событий, удостоверенному в воспоминаниях, и задавать вопрос, откуда производятся действия, в результате которых ожидаются [определённые] изменения; не только в действиях и словах, но в способе осуществления события. Если не говорить о событиях в целом, то о том, что толкует молва о повседневной жизни, с ними связанной. Подбор слов образует единую линию и означает неторопливое рассматривание образующихся суждений без должной строгости и без привлекающих внимание акцентов — просто в течении речи». Так у Туллия: это общий план, раскрывающий, как именно общее смотрится на основании единичного.

Много верного об основах истории высказал Цицерон, но не менее его — Дионисий Галикарнасский в [работе] «Об исторической истине» и Диодор Сицилийский в [сочинении] «О надёжности исторической истинности и её оправдании». Также и Страбон в кн. 11 [«Истории»] помещает отдельные сюжеты об амазонках: «История отыскивает истину старую или выявляет новую, рассказывая то, что ранее не замечалось или замечалось редко». Примерно то же у Полибия в кн. 1 [«Истории»]: «Как свечение некоторых животных не увеличивает их дальновзоркости, так же истина, превосходящая историю, относительна для неё». Ритм истории не что иное, как биение пульса. В ней отодвигается то, что попадает под руку, отбрасывается то, что отвращается от истины. Таким образом Тимей, подтверждая Полибия (выдержки из кн. 13), прямо определяет основные правила истории: «Так повелось, что природа смертных ищет истину в божественном, в многообразии его свойств, заимствуя их, насколько это возможно, из жизни. Если окинуть взглядом то, что нам предстаёт, то в целом это никак нельзя соотнести с истиной и затруднено извращениями. Необходимо, чтобы душа заново воспринимала приходящее к ней, любое изменение может быть внезапным, и оно её тренирует. Многое из прошлых недоразумений сохраняется, своим напором преодолевая всё остальное, и заблуждения торжествуют».

Сложность постижения целого была превосходно растолкована в одном крылатом выражении — в старой мудрости, высказанной Демокритом: «Не занимайтесь хитросплетениями, хозяйничаньем, не трудитесь». Хороший пример тому даёт Теопомп: «Но вовсе не хорошо, когда отсутствует самое стремление к историческому суждению; стараться действительно никому не угождать, и надо защищать всё, во что веришь, более же всего нужно увериться, что ничему нельзя просто верить, однако более всего ценится та вера, которую

можно исследовать». Полибий определяет так: «Смотрите вперёд и идите за тем, что вам открывается». Следуя той же линии исторического суждения, вслушивайтесь в мерный ход времени и наблюдайте, следуя требованиям момента, не стремясь кому-то не угодить. Ибо то постоянно, в чем достойные мужи усматривают значимость происходящего. Можно обратиться и к Фукидиду, чтобы выяснить, соответствует ли его описанию ход событий в афинской демократии, а описание — его общей системе суждений; легче установить истину в своих действиях; при этом не надо опасаться появления новых, подчас неожиданных суждений, справедливо остерегаться, в частности, преувеличения значимости особенностей формирования афинского флота в его сравнении с лакедемонским, который высокомерно считали менее подвижным, это объяснялось скупостью спартанцев. Изобретатель такого же благородного свойства [целого] Марцелий писал: «Находимые истины могут быть ненадёжными, достоверные же свидетельства, если где-то обнаруживаются, бывают обрывочными и не сразу попадают на глаза».

Одно из важных положений, преподносимых Полибием, — не ошибаться в описании при его развёртывании, не замечая при этом подробностей, украшающих целое. То, что галлы, достигнув Альп, вообразили, что перед ними Испания, вовсе не значит, что мы должны меньше доверять описанию событий, относящихся к прибытию туда Сципиона не морским путём, через Атлантику, а тем, который более удачным счёл Ганнибал. Римляне распространяли свой язык для того, чтобы восстановить в памяти воспоминания о древних героях, молва о которых тогда была свежа, но позже забыта. Многие о тех [героях], которые тогда восхвалялись, было недостоверным, но воспринималось иначе. Заявленные как документальные, эти свидетельства звучат как баснословные: в прошлом случалось невероятное. Всё это выстраивалось в бесконечную цепь событий, без осмысления того способа, каким они могут быть изложены. На чём, например, была основана уверенность, что маловероятные события, изложенные Лукрецием, действительно происходили (кн. 4)? «Иное из вновь провозглашаемого столь громогласно, что кажется пустословием — это не в пустынном месте, покинутом богами, где он один-одинёшенек, — поэтому не единожды объявляют о всё новых чудесах — люди склонны внимать новым веяниям». Превосходный пример о конкретном правлении у Сенеки в кн. 7. гл. 14 «О природе». В ней рассказывается о двух кометах, одна из которых ясно видна, а другая затуманена. Вот что из этого можно вывести: «Если упоминают о невероятном наряде с происходящим ныне, то часто ссылаются на чудеса, чему-то верят, чему-то нет, кое-где прокрадывается вымысел. Неизбежно возникают притязания у каждого народа. И когда народ

собирается, чтобы принять окончательное решение, душевный порыв побуждает возвестить об этом в торжественно произнесенной речи и т. п.». Так говорит Сенека в своих «Вопросах о природе» и в кн. 4; и оттуда же: «Относительно облика историки и вообще подобия: те, кто хочет определять судьбы самим себе, обращаются к иным реалиям и ищут благоволения высших существ». Множество подобных подражаний привнесли и греки. О них говорится в сборнике «О поминальных обрядах у греков» у Нонния. Подобная сюжетная основа запечатлена в историке (Дионисий Галикарнасский, кн. 1), где рассказывается много сюжетов — мы уже говорили, что среди них лишь немногие собственно исторические — о них рассказывалось ранее и у Секста Эмпирика («Пирроновы положения», кн. 1), в тех же выражениях, что у Назона («О любви»), где говорится, какие именно «истории» заслуживают доверия (кн. 3, с. 11). Из христианских учёных мы это видим у Оригена, в его возражении Цельсию, в рассказах о племенах Ливия (т. 17), у Плутарха в его «Солоне» и у Павсания в его «Коринфянах». И Квинтилиан в «Речах» (т. 2), особенно в главе 2, пишет: «Греческая история по преимуществу сходна с поэзией в своей произвольности». Туллий, упоминая Флация, так же, как и Квинтилиан, отмечает, что у греков нет бережного отношения к подлинности своих обрядов. Это в первую очередь относится к «Законам отечественной истории» Геродота, а также к сочинениям Теопомпа и другим упомянутым произведениям. Сходным образом Марцеллий рассуждает о жизни Фукидида, упоминая, что коринфян презирают за их успех, достигнутый тайным проведением афинского флота, [ради участия] в морской битве при Саламине. Яркий пример приводит Тимей Тавромит⁷: Тимолеонт⁸, который не разорил царственный дом Андромахов, хотя мог бы это сделать. Мемнон, как предполагает Ксенофонт, всячески противопоставляя себя Платону, всё же оставался дружен с ним. И если уж говорить о самобытности изданного, то это прежде всего собрание разнородных сюжетов у Диодора Сицилийского, где определяется, какое место в истории занимала Троянская война. Можно ли сказать, что Дион, отвергая достоверность сообщаемого Кассием, в то же время достоверно передаёт воспоминания о Цицероне, том же Кассии, Сенеке, Зосиме, далёких от первых христиан, хотя столь же благочестивых, и ненавидящих сочинения первых христиан? Ничего иного мы не наблюдаем и в хвастовстве греков. Приведём суждение Ювенала (кн. 4, с. 1): «О том, что греки — отъявленные лгуны, свидетельствует история».

---

⁷ Тимей Тавромит — сын Тавромения Андромаха, родился в городе Таормина в 350 г. до н. э.

⁸ Тимолеонт — древнегреческий государственный деятель из знатного рода, правившего в Коринфе в V в. до н. э.

Латиняне же избирают иной путь. Многое из свидетельств никогда не проверяется, и на веру огульно принимаются суждения простонародья, как будто в истории нет иных сюжетов, которые сами по себе основательны; сам же писатель себе эти сюжеты и задаёт, как это хорошо осознаётся Теренцием: «Поэты обращаются к душам на основании собственного дара. Народ же они потчуют многочисленными баснями».

С другой стороны, разве Веллий Патеркул не поступал примерно таким же образом, обсуждая связи событий своего века? Сходные хвалебные высказывания мы находим у Тиберия и Ливия, о Сеяне⁹. Можно ли отнести к таковым («восхвалителям») средневековых сочинителей, написавших историю Карла Великого, например Турпина (Тильпина)¹⁰, действующего епископа Реймского, который жил во время правления Карла и его сына Людовика? При этом мы вовсе не знаем иных авторов. Вот я и спрашиваю: как относятся к данному предмету сведения из блестящих сочинений испанских авторов, о написании которых нам ничего не известно? Насколько можно доверять Паоло Джовию¹¹, что **в зале**¹² присутствовал сын Генриха II? Кем удостоверить присутствие в этом зале его предполагаемых сыновей, чьё происхождение и положение было удостоверено обществом? Насколько это удостоверяется испанцами, которые известны в истории? Сходное обращение с составляющими элементами историки мы видим у Августина, который специально стремился к тому, чтобы в его произведениях обнаруживался путь к бессмертию. При этом не заслуживают доверия свидетельства того же времени, данные Веллеем¹³ о лигурийце Гунтере, поэте весьма плодовитом. Не могут быть аргументом для восхваления Фридриха Барбароссы только лишь его военные победы с его исключительной доблестью. Известия о важнейших священных преданиях, удостоверенных юридически, подтверждались особыми постановлениями Римской церкви об установлении канонического порядка¹⁴.

Здесь нужно предпринять усилия к различению истины и исторических ошибок, Анний из Витербо в третьем разделе упоминает вымысел Мегасфена, это единственное место, где

---

⁹ Сеян — государственный и военный деятель Римской империи (20 г. до н. э. — 31 г. н. э.).

¹⁰ Турпин (Тильпин) — Реймский архиепископ (748–795 гг.); за архиепископами Реймса была закреплена привилегия миром из Святой Стекланницы помазать на царство королей Франции.

¹¹ Паоло Джовий (1483, Комо — 1552, Флоренция) — епископ Новочерский, итальянский учёный-гуманист, придворный врач римских пап, историк, биограф, географ, коллекционер.

¹² Зал для помазания на царство королей Франции.

¹³ Веллий — древнеримский историк (19 г. до н. э. — 31 г. н. э.), возможно, Гунтер упоминается в его *Historiae Romanae*.

¹⁴ Парижский собор 1643 г. — возможно позднее уточнение.

Мегасфен неосновательно упомянут как античный автор. Не столь прямо, как Анний, говорит об этом Мельчиор Кано¹⁵, иначе прозванный Локисом, в кн. 11, гл. 6. Сама по себе истина должна быть сколько-нибудь рассудительной: «Мне достаточно, чтобы истина преподносилась при написании во всём блеске и многообразии; и клевета на автора последовательно отвергалась».

Действительно, историка иногда грешит пристрастиями или наоборот отторжением, превращая любовь в ненависть, и в итоге получается пустота. Так, у Плутарха в рассказах о Помпее отношение Помпея к угрозе прискорбной, незаслуженной смерти не означает, что это нужно принимать на веру, потому что Оппий¹⁶, один из родственников Цезаря, пользовавшийся его благорасположением, ненавидел Помпея, о чём неоднократно писалось. Верно подмечает Саллюстий в своём письме к Катилине: «Большая часть тех, кто опровергает правонарушения, изначально недоброжелательны, и попросту выказывают зависть». Так значительные и выверенные сочинения могут описывать и дурные деяния, сопрягаемые с иной реальностью. Неизбежны ошибки, возникающие в отдельных работах, при непосредственной реакции [пишущего о событии], но эта лёгкость вообще свойственна человеку. Можно ли этим воспользоваться для достижения всеобщей пользы, о том наиболее полно говорит Ювенал: «...многоречивость зачастую возобладает».

Страбон (кн. 3, с. 112), говоря о ведении войны и её последующем описании, приходит к следующему [выводу]: «Предводительствуя на войне, а затем описывая её, [люди] легко склоняются к вымыслу, чтобы приукрасить свои действия». И это проявляется не только в распространении слухов; например, много говорят о величии многих Александров, которые таковыми вовсе не были. «И это вовсе не наши случайные выдумки — всё, что приносится молвой, в целом может быть верным. Любое славное деяние добавляет имена, которые далее входят в обиход» (его же «О Курциях», кн. 9). Итак, история — это не более и не менее того, что определяется в своих отдельных высказываниях, и заранее предпочтительным не является ни

---

¹⁵ Мельчор Кано (1509–1560) — испанский богослов, представитель саламанкской школы теологии, известный своим трудом *De locis theologicis libri duodecim* («О теологических местах», или «О теологических аргументах»), который поставил «вопрос о доверии историческим сочинениям», «разъясняя... явные фальшивки, на которые был богат век Кано — “наследия” Анния из Витербо и выдуманного им Бероза, Мегасфена и т. д.». (Андронов И. Е. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века. — <http://www.dslib.net/istoriografija/mezhkonfessionalnaja-polemika-v-zapadnoevropejskoj-cerkovnoj-istoriografii-xvi.html>. — Прим. ред.)

¹⁶ Оппий Гай Сабин — древнеримский патриций конца I в. до н. э.

одно из них; подбираются же те способы, которыми обозначается зарождение событий, либо расширяется горизонт обозрения, воспроизводя сказанное, или затеняя его; они обозначают лишь данный путь и отбрасывают частности как несущественные. Совсем иное, когда история сопоставляется с изображениями, превосходящими предмет её обсуждения. Больше других здесь грешит Валерий Анний, уснащающий свой рассказ множеством имён, которым он приписывает решающую роль в победах римлян. То же делает и Ливий в 35-м томе: он превозносит победы, которые консул Минуций приписывает лигурам: «Во многих сочинениях берётся на веру то, что бросается в глаза, а не существенное».

Если говорить об историке и положительно воспринимать её относительно человеческой природы, то необходимо представить себе, как она осмысляется в целом, не отвергать с презрением, если только к ней не примешивается какая-то явная ошибка. И в некоей морской воде, не той, в которую впадает Эридан или Рейн, но в любой другой, струящейся за кормой, достаточно соли, чтобы приправить шутку; так и в историю может прокрасться вымысел; невозможно лишь бесконечно воспроизводить то, что не закрепилось в нашей памяти, и относится к истории других народов — то, например, что большинство [народа] восприняло мысль, что они обрели родину в древности, не беря в расчёт существующие другие сведения о своем укоренении. По этой причине Дионисий Галикарнасский полагает исторические сочинения древних авторов баснословными и сомнительными («Трактат о постижении божественного»). В первую очередь это относится к основанию городов. Так Ливий подчёркивает: «Даты явления божеств в этих сочинениях, как правило, связаны со временем правления известных властителей». И далее: «Если народ вправе освятить своё происхождение, то для этого божество предпосылает им вершителей; так возникает римский народ, возросший в войне и избранный Марсом, поскольку в человеческом роде терпимы только те, чьи души переносят управление ими».

Но к этому иногда примешиваются ложные положения, принимающие во внимание иной, легковёрный взгляд, основывающийся на других примерах из древности. Это относится к упоминанию Тиберия (кн. 1.) у Нония¹⁷: «Например, о возможности ошибок наших предков в передаче законов древности». Здесь имеются в виду прежде всего древние законы, правовой уклад которых рассмотрен у Христофора Коллеро в его примечаниях к Саллюстию.

И ещё: возможно ли выйти за пределы совокупности событий исследуемого века? Действительно, о том, что историческая вера подчас зыбка, говорит Франческо Пико дела

---

¹⁷ Ноний — латинский грамматик из Нумибии (III в. — IV в.).

Мирандола в своём «Исследовании об истории народов» (кн. 2, гл. 37), а также Людовик Вивес в книге «О причинах искажения при создании произведений искусства». Можно послушать здесь Аристотеля, который напоминает, что степень достоверности не может быть установлена окончательно; и кому верить, как не Фукидиду, который описывает то, что ему встречается? И нет большего разброса в суждениях: кроме, возможно, Иеффайя (Книга Судей), в противоположность Аппиану. Но, подобно Фукидиду, высказывается и Флавий Вописк¹⁸, обращаясь к Аврелиану. Уместно здесь привести высказывание Юния Тиберия¹⁹: «Никто из пользовавшихся средствами историки при написании истории не обращался ни к чему иному, нежели к воспоминаниям. И в этом вполне сходятся Ливий, Саллюстий, равно как и Корнелий Тацит, о чём конкретно свидетельствует нам Трогус²⁰».

Не столь определённо это дано у Сенеки. В своём «Отыквлении божественного Клавдия»²¹ он полагает, что установленному порядку отвечает следующее: «...Следует ли из этой истины какой-либо вывод? Либо невозможность не ответить, либо произвольный ответ, граничащий с болтовнёй, — именно это признана выявить историка». Как раз о такой немаловажной ценности происхождения истины из прошлого напоминает Тиберий, представляя различные исторические мнения и опираясь на высказывание Вописка: «Пиши, что желаешь, говори, что сказывается, — и ты обретешь много вымыслов, порождённых красноречием историков». Это, по меньшей мере, так, но калейдоскоп исторических суждений может быть упорядочен разумом, и неведение — ещё не худший грех. Как говорит Августин в своём 131-м письме, обращённом к епископам²²: «В историке не предусмотрены свободы или произвол; не каждый человек в отдельности определяет человечество». Именно такую двойственность имеет в виду Полибий, что можно узнать также из его 14-й книги, с. 658. О том же напоминает Тимей. Так восстанавливаются принципы истории, устанавливающие истину и привносящие в постижение истории следующее: не нужно повторять одну и ту же ошибку; во-первых, надо

---

¹⁸ Флавий Вописк — древнеримский историк, конец III в. — начало V в.

¹⁹ Юний Тиберий — один из двух римских консулов (VI в. до н. э.).

²⁰ Трогус — был современником Ливия и написал большое историческое сочинение, озаглавленное *historiae Philippicae*.

²¹ Сатира «Отыквление божественного Клавдия» Сенеки (*Aprocolocyntosis divi Claudii*) — политическая сатира на римского императора Клавдия. Отыквление (в названии используется латинизированное слово — лат. *apocolocyntosis*, гр. ἀποκολοκύνθωσις) представляет собой игру слов, связанную с термином «апофеоз» (лат. *apotheosis*, гр. ἀποθεώσις) — процесс, посредством которого мертвые римские императоры признавались богами.

²² В «Латинской патологии» Ж. П. Миня письмо за этим номером направлено не епископам, а Пробе. Возможна описка автора. — *Прим. ред.*

избегать недостоверных утверждений: во-вторых, настаивать на чём-то определённом. Избегать иных заблуждений: в первую очередь определяемых ненавистью, произволом и склонностью душ к ожесточению. Диодор Сицилийский (гл. 13) воспроизводит Тимея: «Историка должна стремиться к тому, чтобы не предаваться отдельным частностям и не давать повода к пререканиям, чтобы не выдавать заблуждения за истину. Таким способом историка становится историей людей, а достижение истины — сложным поэтапным изысканием, не отклоняющимся от истины». Действительно, если поступающие данные внушают беспокойство, то они отвергаются, и их достоверность выносится на обсуждение, где и отстаивается в каждом отдельном случае.

При этом ещё неизвестно, какое из мнений возобладает. Об этом говорилось на застольях у Пифагора, о процветании во времена Нумы: обратимся к Валерию Антию²³, который, находясь в окрестностях города Петилия, описывал то, что открывалось с горы Яникула, как об этом утверждают в греческой философии, вслед за Пифагором. Также Ливий в кн. 11 пишет: «То мнение, что Пифагор внимал Нуме, возможно, просто вымысел, устоявшийся во всеобщем мнении». Об этой ошибке говорят Кассий Гемина²⁴ и Гай Пизон²⁵; на память приходит также «Естественная история» Плиния (т. 13). Примечательным является такое представление древности, которое встарь излагал Флоридис Сабинус²⁶ (гл. 13), повествуя о положении государственных дел. Подобные экскурсы есть и в письмах Цицерона (кн. 1, разд. 6, посвящённый искусству). Туллий говорит в этой связи: «Вот потому Флавий и беспокоится, чтобы не наделать ошибок; война ещё неизвестно чем кончится, а наша публика чуть ли не вся проникнута тем, что говорят ораторы: уверенностью, что надо иначе сводить мнения воедино, как у греков. И кто об этом только не говорит — Эврипид, родоначальник стихотворной комедии, Алкивиад, опровергающий Эратосфена и стремящийся приплыть в Сицилию по морю, суда которого частично утонули, а также, если читать поздние рассказы, — Дурис Самосский²⁷ при всех его ошибках (об этом свидетельствует его весьма смешная история). Разве не о том же идет речь в лекциях о праве Залевка, писавшего о Локриде, не то ли осуждает Теофраст и его родич Тимей?» Два ярких примера такого несоответствия даны у Туллия. Первый связан

---

²³ Валерий Антий — древнеримский летописец (I в. до н. э.).

²⁴ Кассий Гемина — древнеримский историк-анналист (II в. до н. э.).

²⁵ Гай Пизон — древнеримский политический деятель (I в. н. э.).

²⁶ Флоридис Сабинус — римский политический и военный деятель второй половины I века, в оставшихся от него лекциях повествует о государственных делах эпохи.

²⁷ Дурис Самосский — древнегреческий историк, живший в середине III в. до н. э. (родился ок. 350, умер ок. 281).

с историей Эвполида, который неоднократно бросался в море и утонул в нём. Эвполид упоминается в сочинениях Платона, у многих греческих авторов и в некоторых комедиях: «Как утверждает Тимей, Эвполид²⁸, избегавший омовений, утонул в море, и так был окончательно избавлен от них. Как полагает Турнебий (кн. 9 «Опровержения», гл. 25), Эвполид был упомянут в одном из стихотворений Овидия: «...Комик сгинул в волнах в стране набатеев». Второй пример [связан с Менандром], о котором Лилио Джералдо²⁹ рассказывает повсеместно известную историю: «Менандр, афинский комик, плававший в гавани Пирея, там утонул». Но Павсаний упоминает, что могила Менандра находится за пределами Пирея. А Элиан в кн. 10-й «О животных» (гл. 41) сообщает о смерти Эвполида, погребённого позже, что могила комедианта находится на Эгине; это место называется «Собачья жизнь», оттого, что Эвполида оплакивали в основном сторожевые собаки, подвывавшие шуму моря. Эратосфен также высказал сходное суждение об Эвполиде. Иное представление у Залевка³⁰, чью версию пересказал Теофраст, обратившись к «Политике» Аристотеля (гл. 1). Подобные сведения даны у Диодора Сицилийского (кн. 12), у Валерия Максима (гл. 13), Плутарха, который благожелательно отзывается об этих книгах, у Элиана (кн. 12), в «Собрании различных историй» (т. 24) Суида. Тем самым устанавливается иной взгляд, и он распространяется как общее суждение. Позже его можно исправить, если оно ошибочно, можно противопоставить другим, отстаивая, например, Туллия, и даже опровергать имеющееся в целом. Во-первых, рассматривать историю как Эпихарм³¹, при котором остаётся запечатлённым всё произносимое: в этом люди не беспомощны, в остальном они грешат ошибками; особенно в обобщении и развёртывании суждений. Поэтому если достоверность чего-то остаётся неясной, лучше лишний раз пересмотреть это. Так, Курций указывает в гл. 9: «Поскольку перелагается многое и по-разному, этому (в целом) верят, но его не нужно сразу брать за основу. Ведь неопределённость расплывается в новой неопределённости. Не нужно смущаться, если предпочитаешь какую-то из истин». Ливий в т. 21 упоминает, что в битве с Ганибалом участвовал его подросток сын, который стал известен как Африканский, и прибавляет к этому: консул Калий был послан к лигурам. Скорее всего, однако, это был его сын, о чём упоминают многие авторы. Таким образом, молва способствует появлению более широких взглядов. Таковы исходные положения истории — не более, не менее.

²⁸ Эвполид (446–411 г. до н. э.) — древнегреческий драматург.

²⁹ Лилио Джералдо (1479–1552) — итальянский гуманист, поэт, педагог.

³⁰ Залевк — законодатель.

³¹ Эпихарм — афинский законодатель, VII в. до н. э.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaque scribende praeceptis commentatio

Gerardi Johannis Vossii

Abstract: The proposed text — the continuation of translation of the Dutch theologian, historian and philologist G. J. Foss, «art historian», launched in № 23–26 «Vox». In ch. Figure 9 demonstrates numerous examples of errors in the presentation of history due to the uncritical attitude of historians to the selected material.

Keywords: premise, clarity, error, exposition, historica, event, Greeks, Latins.